



Василий Семенович Андреев родился в 1952 году в хуторе Поляна Семилукского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Служил в ВМФ. Работал в районных газетах Воронежской области, заместителем редактора газеты «Молодой коммунар», инструктором обкома КПСС. Трудился в газете «Правда», был собкором «Российской газеты», «Независимой газеты», журнала «Российская Федерация сегодня» и газеты «Коммуна» в Вене. С 1999 года — в Государственной Думе РФ, где занимал пост руководителя Пресс-службы. Имеет государственные награды. Живет в Москве.

Василий Андреев

РАБОЧИЙ. ЖУРНАЛИСТ. ПАРЛАМЕНТАРИЙ...

(Вспоминая Геннадия Николаевича Селезнева)

В ноябре 2022 года исполнилось 75 лет Геннадию Николаевичу Селезневу, Председателю Государственной Думы 2-го и 3-го созывов

Журналист, что ни говорите — лучшая профессия. Среди гуманитарных. Какая из двух первая: «журналист» или «разведчик», еще идет спор. Но главный редактор — это лучшая должность среди журналистов. Если оценивать только с позиции юного корреспондента. Только парадокс этой высокой должности в том, что главный редактор, перечитав и напечатав под свою ответственность мириады строк про других, про себя чаще всего ничего не успевает прочесть. Если только «После...», в некрологе. Да и то немного, он и сам лучше всех понимает — «газета-то не резиновая»...

Выбор профессии в жизни человека имеет важнейшее значение: можно же как у Есенина «То было б все, и при твоём уме — пост председателя в волисполкоме», а можно стать и Председателем Государственной Думы. Геннадию Николаевичу Селезневу это удалось дважды: с января 1996 года по декабрь 2003 года он работал Председателем Государственной Думы. 8 лет! Кто-то, может, и оценит словами «теплое местечко», но это будет неправильно, неспра-

ведливо... Бывший председатель правительства СССР Николай Рыжков очень точно заметил: «Г.Н. Селезневу достался черствый кусок хлеба...»

Любая книга будет неполным рассказом об этом замечательном человеке, Главном Редакторе, Государственном Деятеле (именно так! с прописной буквы). И мои воспоминания — это всего лишь малая толика в описании его жизни и деятельности. А мой Главный заслуживает самых высоких оценок по всей своей жизни, не такой уж длинной — менее 68 лет прожил. До обидного коротка была его жизнь, но она была яркой, насыщенной самыми высокими смыслами, ради которых, смею надеяться, появляется на Земле человек.

В марте 1991 года судьба забросила меня в «Правду», орган ЦК КПСС. (Ну да, штамп — но от него никуда не деться и в моей извилистой биографии).

В «Правде» еще строго соблюдались все формальности главной газеты страны — новичкам было положено пройти собеседования с членами редколлегии. Редактор отдела информации Владимир Снегирев терпеливо водил меня по кабинетам, где на меня изучающе и формально строго смотрели мэтры газеты: Дмитрий Валовой, Александр Черняк... В конце «смотрины» привели меня к первому заму главного редактора Геннадию Селезневу, тоже недавно пришедшему в газету. Приветливо, по-дружески встретил Геннадий Николаевич нового спецкора, чем сразу расположил меня к себе и, как оказалось, — на всю оставшуюся жизнь.

А дальше пошла рутинная газетная работа спецкора, от которого ждали информацию чаще всего с пометкой «Срочно в номер!».

17 августа 1991 года меня срочно позвали к первому заму главного.

— Василий, в Нагорном Карабахе армяне захватили в плен более 40 наших солдатиков из внутренних войск. Надо слетать с нашими военными и написать несколько репортажей. На два дня. Готов?

— Когда вылетать, Геннадий Николаевич?

— Через три часа из «Чкаловского»...

Собрав бельишко «на пару дней», взяв рублей десять из домашнего бюджета, на редакционной «Волге» успел к спецборту на аэродром «Чкаловский».

А в Степанакерте пришлось провести всю неделю (до и после события, хлестко поименованного «пучем»), о чем впоследствии не без гордости и нарочитого хвастовства отвечал на неожиданно вновь ставший актуальным вопрос: «А где вы были 19 августа 1991 года?»

И там вместе с военными, тоже мало что понимавшими в происходящем в Москве, мы переживали взлет и падение «путчистов». В походных условиях и под определенным прессингом армян и азербайджанцев описывал усилия командования Внутренних войск страны по вызволению из армянского плена сорока наших солдат, естественно, молодых призывников. Не скрывал в репортажах, как местные армяне, мягко говоря, совсем не по-братски обходились с нашими военными: попросту измывались. Переданные через стенографистку материалы сразу шли в номер «Правды». А утром я не раз получал гневные тирады от армян, которые уже «откуда-то?...» знали, кто и что тут пописывает (они, кажется, знали толк в «прослушках»)... И гневно осуждали, что я совсем не прав в оценках армянской позиции. Дескать, пленением советских солдат они пытаются «достучаться» до Горбачева и повлиять на его политику. Азербайджанцы противодействовали с той же целью. Все они, как и мы, были такие же наивные...

Когда я вернулся в редакцию, «Правда» не выходила в свет по распоряжению Ельцина. Но в 10 утра редколлегия проводилась каждый день! Неизменно спокойный и уверенный Геннадий Николаевич, оставшийся «на хозяйстве» вместо

странно «заболевшего» прямо на отдыхе где-то в Германии главного редактора Ивана Фролова, приветствовал нас:

— Доброе утро, товарищи! Начинаем работу над новым номером. Правда, газета сегодня опять не выйдет... Но мы не расслабляемся!

И так проходили редакционные «летучки» не одну неделю.

Со временем на Селезнева стали ворчать «и старые, и малые»: «Не-е, ну он что, совсем?! Не понимает, что происходит?!»

Старые говорили с редактором тет-а-тет в более красочных фразеологизмах, призывая его «поднять и усилить», но потом, умиротворенные спокойным мягким баритоном Селезнева, остывали и брали в руки перья, известные на всю страну!

Ответственный секретарь Черняк, тоже оптимист, настойчиво обходя прокуренные кабинеты (топор, правда, в воздухе не висел, но...), призывал всех к тому времени работоспособных журналистов сдавать статьи в номер. А мне несколько раз чрезвычайно сурово напоминал: «Где твой материал о Карабахе?» В меру субординации я чем-то себя оправдывал, но не верил, что «Правда» когда-нибудь вообще выйдет в свет: вся обстановка в стране говорила: «Все! Все!! Все!!!». И только в 10 утра спокойный голос Селезнева возвращал нам (или мне, во всяком случае) толику оптимизма: «Доброе утро, товарищи! Начинаем работу над номером...»

И «Правда» все-таки вышла в свет!

Каждому человеку Господь Бог дает какие-то таланты. Есть талант учителя, инженера, и есть талант журналиста. И человек своими талантами служит людям. Селезневу Бог дал талант журналиста и талант государственного деятеля. При нем ленинградская «Смена» стала образцом для советской молодежной печати. В «Комсомолке» с его приходом резко подрос тираж. Отраслевую «Учительскую газету» он поднял на недосягаемую доселе высоту. Каким образом? Просто чувствовал таланты и давал им возможность проявить себя. Журналисты старшего поколения помнят, как во времена Хрущева расцвела газета «Известия». А в чем секрет управленческого успеха Алексея Аджубея? Он сказал известинцам: пишите что хотите, если что, я вас прикрою. Но Аджубей был зятем Никиты Сергеевича. Многие из нас при таком-то условии могли бы себе позволить вольнодумство.

Про Селезнева тоже говорили, что он в «Комсомолке» держал оборону от всех ЦК. Никого не подставлял. Служил щитом: все брал на себя. Хотя не было у Селезнева никакого прикрытия в виде «мохнатой лапы» и быть не могло, кроме старушки-мамы в Ленинграде. Это говорит о нем как о руководителе высшей пробы. Почувствуйте разницу!

Меня не раз спрашивали: «А какой Селезнев был редактор?» Ну, какой тут может быть эпитет: суровый, принципиальный? Могу сказать — он был Редактором! Мягким, неназойливым, направляющим мысль, а не слово. И терпеливым даже к тем, кого другой бы сгнобил в течение дня... Но это был бы не Селезнев!



Геннадий Николаевич Селезнев

В те дни после августа 91-го, а потом и в октябре 93-го журналисты «Правды» (думаю, не только они) в период бездействия решали все злободневные вопросы известным русским методом. И в компании со старшими товарищами я тоже попадал в поле зрения Главного. Он символически принимал условия «игры», а потом мягко направлял разошедшихся по нужным местам — и все моментально трезвели. И никому никаких «репрессий».

А наутро: «Доброе утро, товарищи!»

И все «просветлевшие» уже сражались за место на полосе.

Вопрос: почему? Думаєте, ему было по... или индифферентно, как сейчас модно говорить? Не-ет! Сам он, прошедший путь от токаря до высшего руководителя в газетном деле, тонко понимал: работягу можно и крепким словом поставить на место, а с творческим работником нужно по-иному, тоньше, как говаривал известный авторитет разговорного жанра. И у Селезнева это получалось!

И ему были благодарны десятки, так сказать, «творческих разнорабочих», на которых и держится любой творческий коллектив.

Вот не знаю и не буду придумывать, но что-то, а психологию как науку Геннадий Николаевич вряд ли углубленно изучал. Просто у него был дар Руководителя. Так бывает! К сожалению, редко.

Кровавый октябрь 1993 года: запреты, аресты. Вновь остановлен выпуск «Правды», поддержавшей Верховный Совет РСФСР. В редакции журналисты, готовые вписаться в ельцинский режим, зашли так далеко, что были согласны принять ультиматум властей: «Правда» начнет печататься вновь лишь после смены названия. Мол, ну а чем плох предлагаемый чиновниками «Путь правды»?

Вчерашние гвардейцы агитпропа ЦК КПСС покорно «приняли к сведению» — так было сказано в резолюции редакционного совещания — приказ 1-го заместителя министра печати: уволить главного редактора Селезнева. Оставалось лишь поддержать это решение на общем собрании правдивост. Демократия же! На собрании 26 октября Селезнев никого не уговаривал. И его не избрали. Да он знал, что в Госкомпечати парламентарам из «Правды» было поставлено условие: «Или Селезнев уходит, или “Правда” никогда не выйдет!» И в зале редколлегии прозвучало совсем уж обескуражившее не только меня его заявление: «Я не собираюсь



Г.Н. Селезнев (в центре) поздравляет журналистов.
В.С. Андреев крайний слева

быть шлагбаумом на пути “Правды” к читателю. Если обстоятельства складываются так, что мое присутствие на посту главного редактора препятствует выходу газеты в свет, то я уйду».

И ушел! В никуда! Какой-то период времени жили на зарплату жены Ирины, преподавателя техникума. В декабре 1993-го Геннадий Николаевич Селезнев был избран депутатом Государственной Думы.

А я в Госдуму попал случайно: первому заместителю Председателя Борису Кузнецову требовался советник по связям с прессой. По своему послужному списку я подошел.

Это уж потом Геннадий Николаевич доверил мне руководить Пресс-службой палаты. (Кстати, мой предшественник попросту сбежал в Совет Федерации — там было спокойнее, не то что в Госдуме).

Мы с Председателем иногда по несколько раз на дню встречались, решали разные проблемы аккредитованных журналистов. Да и коллектив Пресс-службы числом под сто человек: думское телевидение, радио, информагентство, аккредитация, аналитика, связи с общественностью — тоже требовал внимания Председателя. И он относился к нашим проблемам и запросам прессы с уважением.

При нем открыли пресс-зал, снабдили его оргтехникой, чем заметно облегчили на тот момент работу корреспондентам. Некоторые из них, конечно, могли раздражать Председателя Госдумы, но никогда я не видел его злым, недовольным, хотя в те годы поводов для этого его «доброжелатели» предоставляли великое множество раз. Он, в силу своих обязанностей, всегда был чрезвычайно занят, но не мог обидеть даже того, кто был недостоин общения (среди аккредитованных были и такие). Он мог бы просто намекнуть охране, и такого-то к нему бы просто не пропустили. Но он терпеливо выслушивал на ходу очередного «думского сумасшедшего» и говорил: «Хорошо, хорошо, потом...»

Государственная Дума второго и третьего созывов не просто работала, а кипела. И в этом «кипятке» всегда был Председатель (он, кстати, не любил слово «спикер»). Это было время полнейшего расцвета парламентской демократии в России! Дума была местом для дискуссий, настоящим парламентом, где сшибались и мнения, и даже лбы. При нем в палате было аккредитовано около 1,5 тысячи журналистов! Это был самый открытый парламент в мире! И все потому, что во главе его был Селезнев — журналист по профессии.

Его любили журналисты за то, что он был открытым и доступным. За то, что хорошим литературным языком мог разъяснить любую ситуацию. Он был человеком энциклопедических знаний и по любому закону, по любой теме имел собственное мнение. Он всегда ратовал за то, чтобы вся власть была у Закона, публично подчеркивал — в Конституции написано: Россия — социальное государство, так давайте следовать этому! И единственную книгу издал под названием «Вся власть Закону». И создал партию «Возрождения России», основываясь на принципах социальной справедливости.

Он провел Госдуму через множество угроз роспуска, и вряд ли тогда нашелся бы человек, кто смог бы это сделать лучше. Уверен, российской демократии и российскому парламентаризму чрезвычайно повезло: Селезнев оказался в нужное время в нужном месте.

Два с лишним года в должности руководителя Пресс-службы Государственной Думы стали для меня словно одним рабочим днем. Если на работу приехал к 9 часам, то, считай, опоздал. Если уехал в 20 часов — то, считай, недоработал еще пару часов. Не вышел в субботу отсмотреть сборку телепрограммы «Парламентский час» — почти как должностное преступление совершил... Хотя, глядя потом

на работу своих сменщиков, понял, что я, скорее всего, был не прав. Однажды один из руководителей аппарата как-то похвалил меня, дескать, он работает «в режиме ошпаренной кошки». Я вначале оторопел от такой похвалы, а потом понял справедливость этого выражения.

Как и большинство коллег по аппарату, мы работали не за страх, а за совесть. И не то чтобы боялись Председателя. Нет! Его никто не боялся, и он никогда никому ничем не грозил! Его уважали, уверен, почти все! И было просто неудобно подвести его, не выполнив какое-то поручение. Даже руководитель аппарата Александр Лоторев, выдвинутый на этот пост думским большинством, казалось бы, имея за спиной полную поддержку, относился к Селезневу с превеликим уважением. Может, за то и пострадал: как только палатой пришел руководить Борис Грызлов (ну, помните: «Парламент — не место для дискуссий!»), то вытолкал его с должности. Хотя аппарат работал как часы: это и сейчас могут подтвердить думские старожилы. Кстати, тогда-то и пытались проголосовать законопроект с целью «переписать» Знамя Победы и убрать с него серп и молот. Дескать, «несовременно, не соответствует политике партии». А поручили озвучить это непотребство генералу.

Наш знаменитый земляк поэт-фронтовик Егор Исаев с неистовым возмущением написал и продекламировал нам вот такое стихотворение:

Спорить со Знамени Победы
Наш серп и молот?
Так ведь это
Равно приказу скрыть могилы
Бойцов советской нашей силы.
Позор вам, думские «вашбродь»!
Пороть Сигуткина, пороть,
Сняв генеральские штаны,
На главной площади страны...

Вообще-то, по моему мнению, нормальный генерал «родом» из Советской армии должен был если не резко отказаться от озвучивания этой сумасбродной идеи, то застрелиться после ухода с трибуны. Но он озвучил, по сути, предательство. А за это его назначили руководить тем самым аппаратом ГД.

А теперь вот это «неправильное» Знамя Победы гордо несут наши воины в Донбассе...

Когда закончился третий созыв Государственной Думы, Председателем был избран Грызлов. На аппаратном языке моя должность подспудно считается «растрельной», посему я был переведен на другую. Не сильно-то и расстроился, потому что было понятно, с кем придется работать. Хотя мы в то время в соответствии с Законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» старались быть настолько политически нейтральными, что аж скулы сводило... Тем не менее, законных оснований никаких, претензий по работе — тоже, кроме вот этого: «Ну, он же селезневец!» Рассказал Геннадью Николаевичу, получил от него ободряющий совет, и вместе посмеялись над моим новым «званием».

Председатель комитета, регламентирующего в том числе и работу аппарата, с присущей ему злобностью по отношению к нижестоящим не раз меня упрекал: «Вы работаете только на Селезнева и коммунистов». Аргументы, что минуты и даже секунды в думском «Парламентском часе» отдаются всем фракциям пропорционально, что все их мероприятия освещаются в режиме реального времени, просто не слышал.

Просто, пришел ко мне главный редактор «Парламентской газеты», известней-

ший и опытейший журналист Леонид Кравченко (да-да, тот самый, кто в августе 91-го крутил в эфире ТВ «Лебединое озеро»), и развернул на столе целую таблицу.

— Вась, ну ты посмотри! Подсчитали мои журналисты, какой фракции сколько отдали места в газете. Всем пропорционально, «Единой России» — даже несколько больше.

Но Леонида Петровича (царствие ему небесное!) такие вот деятели из «Единой России» все равно «слопали». И поставили во главе газеты Парламента РФ, с позволения сказать, «спеца», однажды решившего поднять из забвения как «демократический образец» небезызвестную Локотьковскую республику, созданную фашистами в годы войны в некоторых районах Центральной России...

Вот в таких условиях работал Г.Н. Селезнев.

Потом, когда он уже не был избран депутатом, ему даже не дали постоянного пропуска в здание Государственной Думы, хотя, казалось бы, кому как не бывшему Председателю выписать постоянный пропуск, торжественно вручить... Нет, зависть присуща не только мелким людишкам...

За многие годы работы вместе с Г.Н. Селезевым в «Правде», Государственной Думе, уверяю, никогда не слышал от него каких-либо резких слов. Он всегда был на удивление спокоен, выдержан, одним словом, интеллигент. Его все называли «питерцем», он вырос в Ленинграде, хотя родился в городе Серове Свердловской области. Но он отлично знал страну, бывал во многих регионах, в том числе и в Воронеже. Мы с ним не раз вспоминали общих воронежских знакомых, особенно тепло он относился к И.М. Шабанову, и у них это чувство было взаимным.

Сколько раз в его бытность Председателем Дума стояла на грани разгона. При Ельцине это было в порядке вещей, и у всех работников аппарата в головах возникали картины расстрела Верховного Совета РФ. И поэтому мы, если не ошибаюсь, раз шесть спешно собирали свои манатки...

А Председатель говорил и говорил по телефону то с Кремлем, то с «Белым домом», потом ехал туда, где Ельцин «работал с документами», и возвращался с ободряющими словами: «Работаем, товарищи!» Каких сил ему это стоило — знал, наверно, только он один. Его усилия по сохранению работоспособной Думы оценили даже в Кремле, когда наградили орденом. И, возможно, этот орден послужил «яблоком раздора» в Компартии РФ. Да, зависть присуща даже тем, кто достиг больших высот...

Я благодарен Геннадию Николаевичу не просто за свой карьерный рост, но и за то, что он меня выдвинул в руководители Пресс-службы... Хотя?.. А почему бы даже за это не быть благодарным?! Селезнев меня поддерживал и ценил в «Правде» и в Госдуме увидел, что я смогу справиться со сложным коллективом творческих работников. При мне не было ни скандалов, ни каких-то происшествий с работниками Пресс-службы. И, скажем так, атмосфера в коллективе была вполне доброжелательной, что не очень-то характерно для творческих структур, где каждый — индивидуальность. Но эта атмосфера мягко транслировалась в коллективы аппарата палаты от самого верха: от Председателя к руководителю аппарата. И аппарат высшего законодательного органа работал слаженно, четко исполняя свои функции, несмотря на то, что политические партии в Госдуме «рубались» напраполю почти ежедневно. Селезнев поставил задачу: аппарат вне политики, вы — государственные служащие, служите Государству, Закону. Так оно и было при нем.

Потом, правда, про «государственность аппарата» сразу забыли, как и про то, что парламент — место для дискуссий.

Не на пользу Государству...

После ухода с поста Председателя Госдумы руководство страны могло бы предложить Селезневу соответствующую его таланту и руководящему опыту должность. Могло бы, но не предложило...

Ну что ж мы за страна такая?! Талантами не дорожим, сделанное разрушаем до основания, а затем... А затем тратим годы на воспитание хотя бы слегка грамотного руководителя, на постройку нового здания.

Не-е-ет, так мы никогда богато не заживем. Хотя на самом деле являемся богатейшей страной.

Г.Н. Селезнев так оценивал события 90-х: «Годы действительно были тяжелые в полном смысле этого слова. Когда я говорю, думаю о том “демократическом счастье”, которое нам подкинули в августе 1991 года, я не могу даже представить себе, каков процент людей, испытавших “истинное счастье” в эти годы.

Я не мог быть счастлив, потому что у меня отобрали страну, которой я обязан всем: и своим образованием, и своим становлением, и своей профессией... Я не хочу много говорить о своих политических пристрастиях, но скажу одно: я никогда не бегал с одной стороны баррикады на другую. Я всегда был на стороне левых сил, был за людей, которые понимали, что Советский Союз — их Родина и что его развал мало кому принесет счастья».

В книге о Г.Н. Селезневе из серии «ЖЗЛ», подготовленной к печати Татьяной Корсаковой, есть интервью с главным редактором «Российской газеты» Владиславом Фрониным.

Автор задает вопрос:

«...Это сегодня можно гордиться, что в вашей биографии есть строка о том, что вы жили и работали в Санкт-Петербурге. А быть выходцем из тогдашнего Ленинграда и при этом — главным редактором, когда кругом в комсомоле — все больше московские лидеры. Каково?»

«...Мы однажды просто пришли в ужас, когда “сверху” стали копать под Геннадия Николаевича. Нас заставили подсчитать, сколько публикаций было в “Комсомольской правде” из Ленинграда и про Ленинград, и сколько... — почему-то взяли Молдавию.

И вот мы (компьютеров-то не было) сидели и на бумаге ставили галочки: фоторепортаж, новость, очерк. Для того чтобы оправдать Геннадия Николаевича, что он, в принципе, скажем так, не симпатизирует Ленинграду слишком уж активно.

И вот это некое противостояние было очень серьезное. Поэтому любая ошибка любого журналиста: если падают новогодние снежинки на первой полосе и вдруг они — шестиконечные, это тоже записывалось в минус. Все это шло в “черное досье” главного редактора.

Но он очень сильно держал удар».

Геннадий Селезнев был и остался коммунистом в высоком смысле слова! И его жизнь — яркий пример человека, который всю жизнь занимался любимым делом, и все у него получалось...

А когда это время ушло — ушел и он... Судьба? Поди теперь докажи...

